

Рассказы о Петровском времени

Колокола

Русские под Нарвой были разбиты. Страна оказалась к войне подготовленной плохо. Не хватало оружия, обмундирования, войска были плохо обучены.

— Данилыч, — как-то сказал Пётр Меншикову, — с церковей колокола снимать будем.

У Меншикова от удивления глаза на лоб.

— Что уставился? — крикнул на него Пётр, — медь нужна, чугун надобен, колокола на пушки лить будем. На пушки, понял?

— Правильно, государь, правильно, — стал поддакивать Меншиков, а сам понять не может, шутит царь или говорит правду.

Пётр не шутил. Вскоре по разным местам

разъехались солдаты выполнять царский приказ.

Прибыли солдаты и в большое село Лопасню, в Успенский собор. Приехали солдаты в село к темноте, въезжали под вечерний звон. Гудели в зимнем воздухе колокола, переливались разными голосами. Сосчитал по пальцам сержант колокола — восемь.

Пока солдаты распрягали прозябших коней, сержант пошёл в дом к настоятелю — старшему священнику. Узнав, в чём дело, настоятель нахмурился, сморщил лоб. Однако встретил сержанта приветливо, заговорил:

— Захаживай, служивый, захаживай, зови своих солдатушек. Чай, замаялись в пути, продрогли.

Солдаты входили в дом осторожно, долго очищали снег с валенок, крестились.

Настоятель солдат накормил, принёс вина.

— Пейте, служивые, ешьте, — приговаривал.

Охмелели солдаты, уснули. А утром вышел сержант на улицу, посмотрел на колокольню, а там всего один колокол. Кинулся сержант к настоятелю.

— Где колокола? — закричал. — Куда девали?

А настоятель руками разводит и говорит:

— Приход у нас бедный, всего и есть один колокол на весь приход.

— Как один! — возмутился сержант. — Вчера сам видел восемь штук, да и перезвон слышал.

— Что ты, служивый, что ты! — Настоятель замахал руками. — Что ты выдумал! Это разве с пьяных глаз тебе показалось.

Понял сержант, что неспроста их вином поили. Собрал солдат, весь собор осмотрели, подвалы излазили. Нет колоколов, словно в воду канули.

Пригрозил сержант донести в Москву.

— Доноси, — ответил настоятель.

Однако писать сержант не стал. Понял, что и ему быть в ответе. Решил остаться в Лопасне, вести розыск.

Живут солдаты неделю, вторую. По улицам ходят, в дома наведываются. Только про колокола никто ничего не знает. «Были, — говорят, — а где сейчас, не ведаем».

Привязался за это время к сержанту мальчик — Фёдкой звали. Ходит за сержантом, фузею рассматривает, про войну расспрашивает. Шустрый такой — всё норовит у сержанта патрон стащить.

— Не балуй! — говорит сержант. — Найди, где попы колокола спрятали, — патрон твой.

— А дашь?

— Да.

Два дня Федыки не было. На третий прибегает к сержанту, шепчет на ухо:

— Нашёл.

— Да ну! — не поверил сержант.

— Ей-богу, нашёл! Давай патрон.

— Нет, — говорит сержант, — это мы ещё посмотрим.

Вывел Федька сержанта за село, бежит на лыжах-самоделках берегом реки, сержант едва за ним поспекает. Федьке хорошо, он на лыжах, а сержант спотыкается, проваливается в снег по самый пояс.

— Давай, дяденька, давай, — подбадривает Федька, — уже скоро!

Отбежали от села версты три. С крутого берега спустились на лёд.

— Вот тут, — говорит Федька.

Посмотрел сержант — прорубь. А рядом — ещё, а чуть дальше — ещё и ещё.

Сосчитал — семь. От каждой проруби тянутся примёрзшие ко льду канаты. Понял сержант, куда настоятель колокола спрятал: под лёд, в воду. Обрадовался сержант, дал Федьке патрон и кинулся быстрее в деревню.

Приказал сержант солдатам лошадей запрягать, а сам зашёл к настоятелю, говорит:

— Прости, батюшка: видать, и впрямь с пьяных глаз я тогда перепутал. Покидаем мы сегодня Лопасню. Уж ты не гневайся, помолись за нас Богу.

— В добрый путь! — заулыбался настоятель. — В добрый путь, служивый. Уж я помолюсь.

На следующий день настоятель собрал прихожан.

— Ну, миновало, — сказал он, — пронесло беду стороной.

Пошли прихожане к реке колокола вытаскивать, сунулись в проруби, а там пусто.

— Ироды, богохульники! — закричал настоятель. — Уехали, увезли. Пропали колокола!

А над рекой гулял ветер, трепал мужицкие бороды и бежал дальше, рассыпаясь крупой по крутому берегу.

Сергей Алексеев

* * *

Петр первый начал Северную войну. Он напал на шведскую крепость Нарва на границе России. Нарва была расположена в устье реки Невы и давала выход к Балтийскому морю. В русской армии было 35-50 тыс. человек, а у шведов 25 тыс. человек. Русская армия не смогла взять крепость и была разбита. Русские потеряли 6-8 тыс. человек и почти всю артиллерию: до 180 пушек. Шведы потеряли менее 1000 человек.

В начале XIII века Россия закупала металл за границей, т.к. своих плавильных заводов не хватало. Указом царя от 1701 г. из церквей изымались колокола, для нужд армии. К маю 1701 г. в Москву было свезено на переплавку огромное количество церковных колоколов, в общей сложности более 90 тыс. пудов¹. Из колоколов было отлито 100 больших и 143 малых пушек, 12 мортир и 13 гаубиц. Но колокольная медь оказалась непригодной, она значительно мягче, чем медь, необходимая для изготовления военных орудий. Оставшиеся колокола остались невостребованными.

¹ Пуд – около 16 килограмм.

«Государь, дозволю молвить»

Зима. Мороз. Ветер. Пётр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Пётр знал давно, ещё с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдёт он к Демидову, скажет: «Поучи-ка, Демидыч, железному ремеслу».

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскалённого железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернётся Пётр, по

указанному месту — бух! Только искры летят в стороны.

— Так его, так! — приговаривает Демидов.

А чуть царь оплошает, закричит Никита:

— У, косорукий!

Потом уже скажет:

— Ты, государь, не гневайся. Ремесло — оно крик любит. Тут без крику — что без рук.

— Ладно уж, — ответит Пётр.

И вот царь опять в Туле. «Неспроста, — думает Демидов. — Ой, неспроста царь пожаловал». Так и есть.

— Никита Демидович, — говорит Пётр, — про Нарву слышал?

Не знает, что и сказать, Демидов. Скажешь ещё не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слышать, когда все кругом шепчутся: мол, наломали нашему шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

— Да ты не хитри, не хитри, — говорит Пётр.

— Слышал, — произносит Демидов.

— Вот так-то, — отвечает Пётр. — Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.

— Как же не понять, государь.

— Да ведь много пушек надобно, — говорит Пётр.

— Понятно, Пётр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, плохи. Железа нет, леса нет. Горе, а не заводы.

Пётр и Демидов молчат. Пётр сидит на резной лавке, смотрит в окно на заводской двор. Там мужики в рваных одеждах и стоптанных лаптях тащат осиновое бревно.

— Вот оно, наше тульское раздолье, — говорит Демидов. — По брёвнышку, по брёвнышку, как нищие побираемся. — А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво: — Государь, дозволю молвить.

Пётр помолчал, посмотрел на Демидова, произнёс:

— Сказывай.

— Тут ездили мои людишки, — начал Демидов, — на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса-то, что тебе море-океан, конца-краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.

— Урал, говоришь? — переспросил Пётр.

— Он самый, — ответил Демидов.

— Слышал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, о-го-го сколько времени пройдёт!

— Ничего, государь, ничего, — убеждённо зачастил Демидов. — Дороги проложим, реки есть. Что там даль — желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живём. Глядишь, годка через два и уральский чугун, и уральские пушки — всё будет. Смотрит Пётр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра, ждёт царского слова.

— Ладно, Никита Демидович, — наконец произносит Пётр, — быть по-твоему, напишу указ, поедешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь — и с Богом. Да смотри у меня! Знай: нет сейчас в государстве более важных дел. Запомни. Подведёшь — не пожалею.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал. А Пётр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси Пётр наказал добывать железо и строить заводы.

Сергей Алексеев

* * *

Тулескому кузнецу Никите Демидову Пётр I приказал выдать 5 тыс. рублей на развитие в Туле оружейного завода. Вскоре Демидов перевёл своё дело на Урал. В 1702 году Пётр I передал ему государственный Невьянский завод с землями и лесами. Здесь срочно наладили производство ружей, тут же делали ядра и бомбы. За короткий срок Демидовы поставили на Урале 20 металлургических заводов и стали богатейшими русскими промышленниками. За 1700-1725 года, выплавка металла выросла в России в пять раз. За заслуги перед Россией и государем Никита Демидов получил от Петра потомственное дворянство.

Фокус

Однажды, закинув удочку в тихую и светлую Язу, что вытекала из дремучих лесов Лосинова острова, увидели они на другом берегу мальчика, сидевшего, подперев подбородок. Одет он был чудно - в белых чулках и в зеленом не русском кафтанчике с красными отворотами и ясными пуговицами.

Невдалеке, на пригорке, из-за липовых кущ поднимались гребнистые кровли Преображенского дворца. Когда-то он весь был виден, отражался в реке нарядный и пестрый, - теперь зарос листвой, приходил в запустение.

У ворот и по лугу бегали женщины, крича кого-то, - должно быть, искали мальчика. Но он, сердито сидя за лопухами, и ухом не вел. Алексашка плюнул на червя и крикнул через реку:

- Эй, нашу рыбу пугать... Смотри, портки снимем, переплывем, - мы тебя...

Мальчик только шмыгнул. Алексашка опять:

- Ты кто, чей? Мальчик...

- А вот велю тебе голову отрубить, - проговорил мальчик глуховатым голосом, - тогда узнаешь...

Сейчас же Алешка шепнул Алексашке:

- Что ты, ведь это царь, - и бросил удилице, чтобы бежать без оглядки.

У Алексашки в синих глазах засветилось баловство.

- погоди, убежим, успеем. - Закинул удочку, смеясь стал глядеть на мальчика. - Очень тебя испугались, отрубил голову один такой... А чего ты сидишь? Тебя ищут...

- Сижу, от баб прячусь.

- Я смотрю, - ты не наш ли царь. А?

Мальчик ответил не сразу, - видимо, удивился, что говорят смело.

- Ну - царь. А тебе что?

- Как что... А вот ты взял бы да и принес нам сахарных пряников. (Петр глядел на Алексашку пристально, не улыбаясь.) Ей-богу, сбегай, принесешь - одну хитрость тебе покажу. - Алексашка снял шапку, из-за подкладки вытащил иглу. - Гляди - игла али нет?... Хочешь - иглу сквозь щеку протащу с ниткой, и ничего не будет...

- Врешь? - спросив Петр.

- Вот - перекрещусь. А хочешь - ногой перекрещусь? - Алексашка живо присел, схватил босую ногу и ногой перекрестился. Петр удивился еще больше.

- Еще бы тебе царь бегал за пряниками, - ворчливо сказал он. - А за деньги иглу протащишь?

- За серебряную деньгу три раза протащу, и ничего не будет.

- Врешь? - Петр начал мигать от любопытства. Привстал, поглядел из-за лопухов в сторону дворца, где все еще суетились, звали, аукали его какие-то женщины, и побежал с той стороны по берегу к мосткам.

Дойдя до конца мостков, он очутился шагах в трех от Алексашки. Над водой трещали синие стрекозы. Отражались облака и разбитая молнией плакучая ива.

Стоя под избой, Алексашка показал Петру хитрость - три раза протащил сквозь щеку иглу с черной ниткой, - и ничего не было: ни капли крови, только три грязных пятнышка на щеке. Петр глядел совиными глазами.

- Дай-ка иглу, - сказал нетерпеливо.

- А ты что же - деньги-то?

- На!..

Алексашка на лету подхватил брошенный рубль. Петр, взяв у него иглу, начал протаскивать ее сквозь щеку. Проткнул, протащил и засмеялся, закидывая кудрявую голову: "Не хуже тебя, не хуже тебя!" Забыв о мальчиках, побежал к дворцу, - должно быть, учить бояр протаскивать иголки.

Из романа Алексея Толстого «Петр I».

* * *

Александр Данилович Менишков (в рассказе Алексашка) (1673 - 1729) - генерал-фельдмаршал, сподвижник (помощник) и фаворит (любимец) Петра, первый губернатор Санкт-Петербурга.

Происхождение точно неизвестно, по популярной версии, Менишков родом из простого народа: «продавал на Москве пироги». Юный Петр встретил своего сверстника Менишкова в Немецкой слободе и взял в слуги. Считается, что Менишков был безграмотен, но был очень расторопен, решителен и предан Петру, которого называл на смеси немецкого и голландского «мин херц» (мое сердце). Он находился при Петре неотлучно, они даже спали часто в одной комнате: Петр на кровати, а Алексашка на полу. Петр во всем доверял своему любимцу, хотя и знал его отрицательные качества – особенно склонность к воровству. На деньги ворованные из государственной казны Менишков построил себе прекрасный дворец в Санкт-Петербурге.

Менишков служил в Потешных войсках и участвовал во всех походах Петра. Командовал войсками в Северной войне, одержал много побед, благодаря своему натиску и решимости. В том числе руководил русскими войсками в битве при деревне Лесной, где русские одержали победу над шведами, и командовал авангардом (передовым отрядом) и левым флангом (крылом) русской армии в Полтавской битве. После смерти Петра вначале почти что стал регентом (правителем при малолетнем государе), но потом был осужден, сослан и умер в неизвестности.

Город у моря

Вскоре царь Пётр начал новую войну со шведами. Русские войска одержали первые победы и вышли к Финскому заливу, к тому месту, где в залив впадает река Нева.

Пустынны берега Невы: леса, топи да непролазные чащи. И проехать трудно, и жить негде. А место важное: море.

Через несколько дней Пётр забрал Меншикова, сел в лодку и поехал к морю. При самом впадении Невы в море — остров. Вылез Пётр из лодки, стал ходить по

острову. Остров длинный, ровный, как ладошка. Хохолками торчат хилые кусты, под ногами мох, сырость.

— Ну и место, государь! — проговорил Меншиков.

— Что — место? Место как место, — ответил Пётр. — Знатное место: море.

Пошли дальше. Вдруг Меншиков провалился по колена в болото. Рванул ноги, стал на четвереньки, пополз на сухое место. Поднялся весь в грязи, посмотрел на ноги — одного ботфорта нет.

— Ай да Алексашка, ай да вид! — рассмеялся Пётр.

— Ну и места проклятущие! — с обидой проговорил Меншиков. — Государь, пошли назад. Нечего эти болота мерить.

— Зачем же назад, иди вперёд, Данилыч. Чай, хозяйничать сюда пришли, а не гостями, — ответил Пётр и зашагал к морю.

Меншиков нехотя поплёлся сзади.

— А вот смотри, — обратился Пётр к Меншикову. — Жизни, говоришь, никакой нет, а это тебе что, не жизнь?

Пётр подошёл к кочке, осторожно раздвинул кусты, и Меншиков увидел гнездо. В гнезде сидела птица. Она смотрела на людей и не улетала.

— Ишь ты, — проговорил Меншиков, — смелая!

Птица вдруг взмахнула крылом, взлетела, стала носиться вокруг куста.

Наконец Пётр и Меншиков вышли к морю. Большое, мрачное, оно верблужьими горбами катило свои волны, бросало о берег, било о гальку.

Пётр стоял, расправив плечи, дышал всей грудью. Морской ветер трепал полы кафтана, то поворачивая лицевой зелёной стороной, то внутренней — красной. Пётр смотрел вдаль.

Там, за сотни вёрст на запад, лежали иные страны, иные берега.

Меншиков сидел на камне, переобувался.

— Данилыч! — проговорил Пётр. То ли Пётр произнёс тихо, то ли Меншиков сделал вид, что не слышит, только он не ответил.

— Данилыч! — вновь проговорил Пётр.

Меншиков насторожился.

— Здесь, у моря, — Пётр обвёл рукой, — здесь, у моря, — повторил он, — будем строить город.

У Меншикова даже ботфорт выпал из рук.

— Город? — переспросил он. — Тут, на этих болотах, город?!

— Да, — ответил Пётр и зашагал по берегу.

А Меншиков держал ботфорт и смотрел удивлённо и восторженно на удаляющуюся фигуру Петра.

Сергей Алексеев

* * *

16 (27) мая 1703 русским царём Петром I на отвоеванных у шведов землях была заложена крепость Санкт-Питер-Бурх, так же стал называться и город. Название было выбрано Петром I в честь святого апостола Петра. Первоначальное Sankt-Piter-Burch было имитацией голландского произношения Sint-Petersburg, так как Пётр жил и учился некоторое время в Нидерландах. В 1720 году название Санкт-Питер-Бурх меняется на Санкт-Петербург (близкое к нем. Sankt Petersburg). Кроме официального названия, в народе появляется также сокращённое, на русский манер — «Питер-град» или просто «Питер».

Поскольку город начал строиться, когда ещё продолжалась Северная война (1700—1721), первой и главной постройкой в нём стала крепость («фортеция»). Она была заложена на Заячьем острове в дельте реки Невы в нескольких километрах от Финского залива. Дату заложения крепости принято считать официальной датой рождения города. Существует распространённая легенда, что первый камень Петропавловской крепости был заложен царём Петром собственноручно и что во время этого события в воздухе был замечен орёл. Но данные утверждения не подтверждаются однозначно источниками: орлы не водятся в этой местности, а царь, наиболее вероятно, находился в это время в Лодейном поле, где строились корабли для будущего Балтийского флота.

Строительство основных городских построек шло за пределами крепости по берегам реки, для чего осушались расположенные в дельте Невы болота. Работами по строительству нового города руководили приглашённые Петром в Россию иностранные инженеры. С тем, чтобы ускорить возведение каменных домов, Пётр даже запретил каменное строительство по всей России, кроме Петербурга. Каменщики были вынуждены ехать на работы в Петербург. Кроме того, с каждого въезжавшего в город воза брался «каменный налог»: надо было привезти с собой определённое количество камня или же заплатить специальный сбор. Со всех окрестных областей на новые земли прибывали крестьяне для работы на строительстве.

На берегу Невы.

Для строительства нового города собрали к Неве со всей России мастеровой люд: плотников, столяров, каменщиков, нагнали простых мужиков.

Вместе со своим отцом, Силантием Дымовым, приехал в новый город и маленький Никитка. Отвели Дымову место, как и другим рабочим, в сырой землянке. Поселился Никитка рядом с отцом на одних нарах.

Утро. Четыре часа. Над городом палит пушка. Это сигнал. Встают рабочие, встаёт и Никиткин отец. Целый день копаются рабочие в грязи, в болоте. Роют канавы, валят лес, таскают тяжёлые брёвна. Возвращаются домой затемно. Придут

усталые, развешат около печки мокрые портянки, расставят дырявые сапоги и лапти, похлебают пустых щей и валяться на нары. Спят до утра словно убитые.

А чуть свет опять гремит пушка.

Весь день Никитка один. Всё интересно Никитке: и то, что народу много, и солдат тьма-тьмушая, и море рядом. Никогда не видал Никитка столько воды. Даже смотреть страшно. Бегал Никитка к пристани, на корабли дивился. Ходил по городу, смотрел, как в лесу вырубают просеки, а потом вдоль просек дома складывают.

Привыкли к Никитке рабочие. Посмотрят на него — дом, семью вспомнят. Полюбили Никитку. «Никитка, принеси воды», — попросят. Никитка бежит. «Никитка, расскажи, как у солдата табак украл». Никитка рассказывает.

Жил Никитка до осени весело. Но пришла осень, грянули дожди. Заскучал Никитка. Сидит целые дни в землянке, один, в землянке воды по колена. Скучно Никитке.

Вырубил тогда Силантий из бревна сыну игрушку — солдата с ружьём.

Повеселел Никитка.

— Встать! — подаёт команду.

Солдат стоит, глазом не моргнёт.

— Ложись! — кричит Никитка, а сам незаметно подталкивает солдата рукой.

Наиграется Никитка, начнёт воду вычерпывать. Перетаскает воду на улицу, только передохнёт — а вода вновь набралась. Хоть плачь!

Вскоре в городе начался голод. Продуктов на осень не запасли, а дороги размокли. Пошли болезни. Стали помирать люди словно мухи.

Пришло время, захворал и Никитка. Вернулся однажды отец с работы, а у мальчика жар. Мечется Никитка на нарах, пить просит. Всю ночь Силантий не отходил от сына. Утром не пошёл на работу. А днём нагрянул в землянку офицер с солдатами.

— Порядку не знаешь?! — закричал офицер на Силантия.

— Сынишка у меня тут. Хворый. Помирает сынишка...

Но офицер не стал слушать. Дал команду, скрутили солдаты Силантию руки, погнали на работу. А когда вернулся, Никитка уже похолодел.

— Никитка, Никитка! — тормошит Силантий сына.

Лежит Никитка, не шелохнётся. Валяется рядом Никиткина игрушка — солдат с ружьём. Мёртв Никитка.

Гроба Никитке не делали. Похоронили, как всех, в общей могиле.

Недолго прожил после этого и Силантий. К морозам и Силантия свезли на кладбище. Много тогда людей погибло. Много мужицких костей полегло в болотах и топях. Город, который строил Никиткин отец, был Петербург. Через несколько лет этот город стал столицей Русского государства.

Сергей Алексеев

* * *

Строительство города с 1704 по 1717 год в основном выполнялось силами «работных людей». Они валили лес, засыпали болота, строили набережные. В Петербург вызвали из разных губерний несколько десятков тысяч работных людей, в основном крепостных крестьян. Работник отработывал два-три месяца (обычно с апреля по сентябрь), после чего уходил домой.

Работа строителей Петербурга оплачивалась. Труд оценивался в 1 рубль в месяц (стандартная плата за работу в тот период). Однако, первоначально строители получали лишь 50 копеек в месяц, а вместо остальной суммы им выдавалось «хлебное жалованье». Позднее жалованье стали выдавать полностью деньгами. В 1707 г. сбежало много работников, направленных в Петербург из Белозерского края. Пётр I приказал взять членов семей бежавших — их отцов, матерей, жён, детей «или кто в домах их живут» и держать в тюрьмах, пока беглецы не будут сысканы.

Существует распространённая легенда о том, что большое количество подневольных строителей города погибло. В 1950-х годах археолог А. Д. Грач провёл систематические раскопки с целью обнаружить места массового захоронения, однако вместо братских могил он обнаружил огромные выгребные ямы, в которые закапывались пищевые отходы — кости многочисленной скотины, которая пошла на пропитание строителей новой столицы.

По всей видимости, в реальности самой массовой была гибель строителей на строительстве не самого Петербурга, а дворца Ораниенбаума (недалеко от Петергофа), где за один из сезонов действительно погибло несколько сот человек, но их гибель была вызвана распространившейся эпидемией.

В 1703-1704 годах в Невской бухте заложили крепость Кронштадт — будущую базу Балтийского флота.

Аз, буки, веди...

На Руси в то время было мало грамотных людей. Учили ребят кое-где при церквях, да иногда в богатых домах имели приглашённых учителей.

При Петре стали открываться школы. Назывались они цифирными. Изучали в них грамматику, арифметику и географию. Открыли школу и в городе Серпухове, что на полпути между Москвой и Тулой. Приехал учитель.

Явился учитель в школу, ждёт учеников. Ждёт день, второй, третий — никто не идёт. Собрался тогда учитель, стал ходить по домам, выяснять, в чём дело. Зашёл в один дом,

вызвал хозяина, местного купца.

— Почему, — спрашивает, — сын в школу не ходит?

— Нечего ему там делать! — отвечает купец. — Мы без грамоты жили, и он проживёт. Бесовское это занятие — школа.

Зашёл учитель во второй дом, к сапожных дел мастеру.

— Да разве это нашего ума дело — школа! — отвечает мастер. — Наше дело — сапоги тачать. Нечего понапрасну время изводить, всякую брехню слушать!

Пошёл тогда учитель к серпуховскому воеводе, рассказывает, в чём дело. А воевода только руками разводит.

— А что я могу? — говорит. — Дело оно отцовское. Тут кому что: одному — грамота, а другому, поди, грамота и не нужна.

Смотрит учитель на воеводу, понимает, что помощи от него не будет. Обозлился, говорит:

— Раз так, я самому государю отпишу.

Посмотрел воевода на учителя. Вид у него решительный. Понял: сдержит свою угрозу.

— Ладно, не торопись, — говорит, — ступай в школу.

Вернулся учитель в школу, стал ждать. Вскоре слышит за окном топот. Посмотрел: идут солдаты с ружьями, ведут ребят.

Целую неделю ребят сопровождали солдаты. А потом ничего, видать, отцы смирились, привыкли. Ученики сами стали в школу бегать.

Стал учитель обучать ребят грамматике. Начали с букв.

— Аз, — говорит учитель. (Это значит буква «а».)

— Аз, — хором повторяют ученики.

— Буки, — говорит учитель. (Это значит буква «б».)

— Веди...

Потом пошла арифметика.

— Един и един, — говорит учитель, — будет два.

— Един и един — два, — повторяют ученики.

Вскоре научились ребята и буквы писать, и цифры складывать. Узнали, где Каспийское море, где Чёрное, где Балтийское. Многому научились ребята.

А как-то раз через Серпухов в Тулу ехал Пётр. Заночевал царь в Серпухове, а утром решил зайти в школу. Прослышал Пётр, что отцы неохотно отдают детей учиться.

Решил проверить. Входит Пётр в класс, а там полным-полно ребят. Удивился Пётр, спрашивает учителя, как он столько учеников собрал.

Учитель и рассказал всё как было.

— Вот здорово! — засмеялся Пётр. — Молодец воевода. Это по-нашему. Верно. Накажу-ка, чтобы и в других местах в школы ребят силой тащили. Людишки-то у нас хилы умом, не понимают своей выгоды, о делах государства не заботятся. А грамотные люди нам ой как нужны! Смерть России без знающих людей.

Сергей Алексеев

* * *

14 января 1701 года в Москве была открыта школа математических и навигационных наук. В 1701—1721 были открыты артиллерийская, инженерная и медицинская школы в Москве, инженерная школа и морская академия в Петербурге, горные школы при Олонецких и Уральских заводах. В 1705 была открыта первая в России гимназия. Для начального образования были созданы цифирные школы в провинциальных городах, призванные «детей всякого чина учить грамоте, цифири (счету) и геометрии». Предполагалось создать по две такие школы в каждой губернии, где обучение должно было быть бесплатным. Для солдатских детей были открыты гарнизонные школы, для подготовки священников создана сеть духовных школ 1721. За время правления Петра несколько тысяч русских были отправлены учиться за границу.

При Петре в 1703 появилась первая книга на русском языке с арабскими цифрами. До того числа обозначались буквами с титлами (волнообразными линиями). В 1708 Пётр утвердил новый алфавит с упрощённым начертанием букв, две буквы «кси» и «пси» были исключены.

Петром были созданы новые типографии, в которых за 1700—1725 напечатано 1312 наименований книг (в два раза больше, чем за всю предыдущую историю русского книгопечатания).

В том числе, в 1717 г., была издана книга для детей и юношества «Юности честное зерцало», которая содержала азбуку, таблицы слогов, цифр и чисел, а также правила поведения для «младых отроков» (юношей) и девушек дворянского сословия. Юному дворянину рекомендовалось учиться в первую очередь иностранным языкам, верховой езде, танцам и фехтованию. Добродетелями девушки признавались смирение, почтение к родителям, трудолюбие и молчаливость